

Дуань Лин вернулся, но один.

— Господа, — обратился Дуань Лин ко всем троим. — Вероятно, нам придется задержаться в Лояне еще на пять дней.

Чжэн Янь и Чан Люцзюнь не возражали. Чан Люцзюнь спросил:

— А где У Ду?

— Он уехал, — ответил Дуань Лин.

Он снял обувь и зашел в дом, закрывая за собой дверь. Он взглянул на Лан Цзюнься — его руки все еще были связаны.

— Он отправился за нашими войсками. Мы должны придумать, как отправить Елюй Цзунчжэня обратно в Чжунцзин.

— Вы действительно собираетесь сражаться за киданей? — Чан Люцзюнь выглядел ошеломленным.

— Какие-то проблемы? — Дуань Лин сел за стол, и, взяв бумагу и кисть, начал писать письмо генералу Юйбигуань Хань Биню. — У Чэнь и Ляо есть общие интересы — как говорится, если губы исчезнут, то и зубы замерзнут. Цзунчжэнь заперт в этом осажденном городе, и, если расстановка сил при императорском дворе Ляо изменится, Великая Чэнь обязательно будет вовлечена в этот процесс. Перед началом осени император Ляо одолжил мне двадцать тысяч ши зерна, поскольку наши империи зависят друг от друга. Это услуга, за которую я должен отплатить.

— Как ты собираешься объяснить это Его Величеству, когда он узнает? — спросил Чжэн Янь.

— Полевой командир должен принимать решения на поле боя, даже если они могут противоречить приказам императора. Расстояние между Е и Цзянчжоу настолько велико, что потребуется две недели пути днем и ночью без остановки, чтобы добраться туда и обратно. Я не могу позволить себе ждать приказа от императорского двора. Когда я вступил в должность в Е, то получил от Его Величества собственноручно написанный указ действовать по своему усмотрению. Мне не нужно беспокоиться о том, что подумают другие придворные.

Раз уж Дуань Лин так высказался, Чжэн Яню и Чан Люцзюню было бы неуместно выдвигать дальнейшие возражения.

— Ты разбираешься в государственных делах лучше, чем мы, бойцы, — произнес Чжэн Янь, — так что если ты считаешь, что все в порядке, то так тому и быть.

Чжэн Яню не было нужды говорить это, ведь его мнение никого не волновало, но, услышав это, Дуань Лин поднял на него глаза и с улыбкой произнес:

— Спасибо.

Чжэн Янь сделал глоток вина и бесстрастно ухмыльнулся в ответ.

Дуань Лин знал, что раз Чжэн Янь так сказал, то даже если Ли Яньцю когда-нибудь на него рассердится, тот будет просить о снисхождении от его имени. Ведь речь шла об отправке войск за пределы страны, и, если придворные захотят поставить под сомнение его решение, они найдут способ. Но у него не было времени беспокоиться обо всем этом — пока У Ду был согласен, все остальное не имело значения.

— Никогда не думал, что У Ду станет помогать этим киданям, — произнес Чжэн Янь.

— Это из-за кровной вражды наших народов? — спросил Дуань Лин.

Чжэн Янь больше ничего не сказал. Дуань Лин закончил писать письмо, отложил его в сторону, и Чан Люцзюнь взял его, чтобы прочитать.

— Ты не понимаешь, — добавил Дуань Лин, — если бы я попытался убедить его принципами добра и зла по отношению к нашим государствам или уговорить его ради безопасности наших подданных, он бы не согласился. Но если я скажу, что это для меня, то он даст добро.

Чжэн Янь засмеялся.

— Если бы ты попросил меня, я бы тоже согласился. Переспишь со мной сегодня, и я схожу и принесу тебе голову Угэдэя. Тогда и У Ду нам больше не понадобится.

— Пей свое вино, — произнес Дуань Лин. — Гостеприимство хозяина дома зависит от того, насколько высоко он тебя ценит. Если ты и дальше будешь нести подобную чушь, то вина тебе больше не достанется.

— Ты настолько способный? — Чан Люцзюнь оценивающе посмотрел на Чжэн Яня. — Уверен, что не окажешься заложником и не будешь нуждаться в спасении?

— Если я не смогу достать его голову, — сказал Чжэн Янь, — то умру там — это тоже неплохой расклад. По крайней мере, жизнь будет прожита не зря. Шань-эр, хочешь сказать, тебе нравятся такие здоровяки, как Чан Люцзюнь?

Чан Люцзюнь надел маску, поэтому они не видели, покраснел ли он, но он ответил:

— А может, тебе стоит развлечься с тем товарищем в углу, а мы посмотрим? Если бы у меня были какие-нибудь афродизиаки, вы вдвоем могли бы повеселиться.

— Был бы принц Улохоу Му на десяток лет помоложе, я бы, конечно, согласился ради него взойти на гору мечей и нырнуть в море огня, — сказал Чжэн Янь. — Играли бы трое суток без проблем. Жаль только...

— Хватит! — сказал Дуань Лин, подумав: «Вы двое слишком много шумите. Разве вы не можете по примеру Лан Цзюнься сидеть в уголке и молчать?»

В конце концов Чжэн Янь поднялся на ноги и пьяной походкой вышел за дверь. Чуть не споткнувшись о порог, он быстро перешел в стойку «Пьяный кулак», чтобы устоять на ногах. Затем, смахнув пыль со своих одеяний мастера боевых искусств, он неторопливо поплел по коридору.

— Куда это ты собрался? — спросил Дуань Лин.

— Готовить еду, — раздался снаружи голос Чжэн Яня. — Я уже несколько дней не ел как следует.

Дуань Лин сразу же обрадовался — все-таки хорошо, что Чжэн Янь рядом. Он позвал Шулюй Жуй, чтобы тот передал Цзунчжэню, что в ближайшие несколько дней его двор будут посещать несколько гостей, которые могут вести себя несколько странно; пожалуйста, передайте ему, чтобы он не обращал на них внимания и постарался изо всех сил удовлетворить запросы этих гостей.

Вскоре пришел Шулюй Жуй и сообщил, что Чжэн Янь готовит на кухне. Дуань Лин успокоился. Во всяком случае, из четырех великих убийц только один представлял угрозу, а двое других все еще были на его стороне. В мире не было более безопасного места, чем этот внутренний двор.

— Ты знаешь императора Ляо? — неожиданно спросил Чан Люцзюнь, когда они ужинали.

— Раньше я его не знал.

Дуань Лин как раз думал о том, как вместе с У Ду оттеснить пятьдесят тысяч монгольских солдат. Он рассеянно произнес:

— Я познакомился с ним только недавно.

Чан Люцзюнь спросил только для того, чтобы завязать разговор, и не особо думал об этом, поэтому Дуань Лин легко отмахнулся от вопроса. А вот Чжэн Янь, напротив, сказал:

— Похоже, ты ему очень нравишься.

— Наверное, потому что я красивый, — не задумываясь, ответил Дуань Лин, — у красивых людей есть все преимущества. В глазах того, кто хорошо выглядит, все на свете хорошо и мило, потому что все к нему добры.

На данный момент руки Лан Цзюнься были развязаны, и он сел за стол, чтобы поесть. В комнате Дуань Лина стояло пять низких столиков, место слева от него пустовало, обозначая, что оно предназначено для У Ду. Чжэн Янь расположился на одно место ниже У Ду, а Чан Люцзюнь — на одно место правее него. Лан Цзюнься почтительно занял крайнее место, обозначающее наименьшее старшинство.

Пока Дуань Лин ел, он вдруг подумал о том, что если когда-нибудь он станет наследным принцем, то его дни будут проходить именно так: четыре убийцы будут сменять друг друга, а за ужином все вместе принимать пищу. Было бы здорово, если бы У Ду тоже был здесь.

— Это не обязательно так, — неожиданно произнес Лан Цзюнься, — тем, кому благоволит время, не благоволят небеса.

Чан Люцзюнь закатил глаза, как будто собирался сказать что-то язвительное, но Дуань Лину не хотелось слушать их перебранку во время еды, поэтому он сказал:

— Да, слова господина Улохоу Му действительно разумны.

И Чан Люцзюнь ничего не ответил.

Дуань Лин проглотил всю еду, приготовленную Чжэн Янем. Чан Люцзюнь и Лан Цзюнься, честно говоря, получили ее только благодаря Дуань Лину. Покончив с трапезой, Дуань Лин небрежно отложил коробку с едой в сторону, планируя вечером встретиться с Цзунчжэнем.

— Кто будет убирать? — спросил Чан Люцзюнь.

— Ты, — ответил Чжэн Янь, — ты здесь самый низкий по рангу, вот и убирай.

Чан Люцзюнь произнес:

— Наш военнопленный должен убирать.

— Просто позовите слугу, — сказал Дуань Лин и поднялся со своего места, чтобы пойти к Елюй Цзунчжэню. Чжэн Янь тоже встал, собираясь последовать за ним, но Дуань Лин произнес:

— Вам всем нужно отдохнуть. Не стоит беспокоиться обо мне.

Если он возьмет с собой Чан Люцзюня или Чжэн Яня, они могут заподозрить неладное, услышав разговор между ним и Цзунчжэнем. Даже если он будет говорить с ним на киданьском, по их поведению можно будет легко догадаться о чем-то.

Теперь, когда Лан Цзюнься был схвачен, Дуань Лину больше не угрожала опасность, поэтому не было необходимости постоянно быть начеку. Он, потягиваясь, прогуливался по галерее, но вскоре с удивлением обнаружил, что Лан Цзюнься вышел за ним из комнаты.

После ужина руки Лан Цзюнься снова связали. На этот раз на него надели тяжелые чугунные кандалы, скрепленные медным замком. Если не отрубить руки по запястьям, то выбраться из них невозможно.

Чан Люцзюнь выглянул наружу, и Дуань Лин покачал головой, давая понять, что все в порядке.

Так он и пошел по саду с Лан Цзюнься на хвосте. Он подумал, что, если бы У Ду был здесь, он мог бы постоянно следить за Лан Цзюнься, но Чжэн Янь и Чан Люцзюнь не имели ни малейшего представления об отношениях между ними. С их точки зрения, даже если тот снова попытается убить его, чтобы сохранить свои секреты, это будет бесполезно.

Если лекарства, которые дал ему У Ду, подействовали, то Лан Цзюнься потерял как минимум девять десятых своих боевых искусств. Представлял ли он еще какую-то опасность?

Дуань Лин внезапно развернулся и толкнул его. Застигнутый врасплох и не удержавшийся на ногах, Лан Цзюнься едва не споткнулся о цветочный горшок в галерее.

Его способности действительно были подавлены, подумал Дуань Лин.

Лан Цзюнься не сразу понял, что именно было на уме у Дуань Лина. Придя в себя, он сказал:

— Ты слишком поспешно выставил ладонь.

— Меня научил этому отец, — ответил Дуань Лин. — Я не так тщательно изучал Ладонь царства.

— Опусть левый локоть, толкай правой рукой, блокируй левой.

Дуань Лин, не обращая на него внимания, развернулся и продолжил идти.

— Почему ты преследуешь меня? — не поворачиваясь, спросил Дуань Лин.

Пока они шли, кандалы и медный замок на запястьях Лан Цзюнься издавали легкий звон. На вопрос он не ответил.

— Вообще-то я планировал разыскать тебя в Е, — Лан Цзюнься не ответил на его вопрос. — Но ты приехал в Лоян. Что ты здесь делаешь?

— Цзунчжэнь здесь, — Дуань Лин не хотел рассказывать ему о Цянь Ци, поэтому на ходу придумал случайную причину. — Я пришел поблагодарить его за то, что он одолжил мне зерно.

— Теперь я вспомнил, — кивнул Лан Цзюнься. — Он в долгу перед тобой за то, что ты спас ему жизнь, поэтому, конечно, он сделает все возможное, чтобы отплатить тебе.

Услышав эти слова, Дуань Лин резко вздрогнул — теперь нашлось объяснение многим вещам, которые раньше не имели никакого смысла! Откуда Лан Цзюнься мог знать, что он защитил Цзунчжэня? Его же тогда не было в Шанцзине!

Это можно было истолковать только так: убийца, внезапно появившийся в ту весеннюю ночь, был Лан Цзюнься!

— Тот, кто напал на Цзунчжэня, был ты? — недоверчиво спросил Дуань Лин.

— Да, — как ни в чем не бывало ответил Лан Цзюнься.

— А кто тебе сказал это сделать?

Лан Цзюнься поднял бровь.

— Ты когда-нибудь узнаешь.

Дуань Лин молча уставился на него.

Иногда Дуань Лин думал, что с этим парнем просто невозможно было разговаривать. Он и раньше был таким, и сейчас, по прошествии стольких лет, оставался прежним.

Он развернулся и продолжил идти, но вдруг почувствовал, что что-то не так. Он снова повернулся, и когда заговорил, его голос дрожал.

— Ты не питаешь зла к киданям, так почему же ты пытался убить Цзунчжэня?

Лан Цзюнься смотрел на Дуань Лина, но затем его взгляд перешел на кого-то позади него.

— Дуань Лин, — раздался голос Цзунчжэня позади Дуань Лина, — я как раз шел к тебе.

Дуань Лин заставил себя успокоиться. В его голове пронеслось бесчисленное множество догадок, но в итоге он отрицал каждую из них по очереди. Неужели Лан Цзюнься враждовал и с киданями? Если верить его словам, он никогда не упоминал о мести Ляо, но пока Лан Цзюнься не хотел говорить ему правду, он мог просто выдумать что-то в объяснение своей враждебности к Ляо, и никто никогда не узнал бы правду.

Его мысли крутились в голове, когда он предстал перед Цзунчжэнем. Тот лишь мельком взглянул на Лан Цзюнься, после чего обнял Дуань Лина за плечи и повел в зал. Лан Цзюнься попытался последовать за ними, но стражники перед дверями преградили путь, поэтому ему осталось только развернуться и ждать снаружи.

— Что такое? — Цзунчжэнь заметил небольшое изменение в выражении лица Дуань Лина.

Дуань Лин покачал головой, и Цзунчжэнь перешел на киданьский язык, спрашивая:

— Теперь, когда сменилась твоя личность, мне следует называть тебя как-то иначе?

Дуань Лин также ответил на киданьском:

— Можешь звать меня Ван Шань, хотя мне больше нравится имя Дуань Лин.

Цзунчжэнь кивнул и жестом предложил ему сесть на кушетку так, чтобы они оказались лицом друг к другу, а между ними стоял стол. Дуань Лин понимал, что это очень важный знак — сидеть на одном месте с правителем страны. В Ляо мало кто удостоивался такого обращения; даже Хань Вэйюн не обладал подобной привилегией.

— Давай начнем с того, о чем ты хочешь поговорить. О чем? — серьезно произнес Цзунчжэнь.

Дуань Лин на мгновение задумался, не зная, сработает ли его план. Он сказал Цзунчжэню:

— Я отправил У Ду назад, чтобы он разместил войска.

— Сколько? — Цзунчжэнь, казалось, сразу же пришел в хорошее расположение духа.

— Две тысячи, — ответил Дуань Лин. — Это самое большее, что я могу сделать.

Две тысячи против пятидесяти тысяч — если бы здесь сидел Цай Янь, он бы приснул со смеху от услышанного. Но Дуань Лин знал, что, несмотря ни на что, Лоян мог собрать еще тысячу. Если умело использовать группу опытных солдат, они смогут принести им победу. Возможно,

им и не удастся прогнать монголов, но если они просто хотят сбежать, то это вполне осуществимо.

Цзунчжэнь встал и начал рассказывать по комнате, говоря сам с собой:

— Это гениальный ход.

Дуань Лин наконец успокоился. Видимо, мускулы Цзунчжэня, накаченные годами верховой езды, были не просто для красоты — у него явно был опыт командования войсками. Если бы он сказал «слишком мало», тогда все было бы кончено. Даже если его отец был бы жив, он не смог бы ничего поделаться — пришлось бы бежать самому.

— Сколько кавалерии и сколько пехоты?

— Они ветераны. Каждый из них может стрелять верхом с луком за спиной. А дай любому щит и меч, и на земле он сойдется в ближнем бою. Они защищают Е и Хэцзянь уже более десяти лет. Раньше они были... — Дуань Лин на мгновение задумался и, наконец, серьезно произнес, — Северным командованием. Бывшими подчиненными моего покойного отца. Они были специально обучены для борьбы с вами, киданями и монголами.

— Они будут сопротивляться, если узнают, пришли спасти меня?

— Не будут. Я верю в У Ду.

Это было войско У Ду. Раз уж он согласился, то придумает, как это повернуть. Иначе Дуань Лин, будучи всего лишь губернатором, не сможет командовать солдатами Хэбэя.

— Отлично! — Елюй Цзунчжэнь уже собирался сказать «дай мне подумать», как вдруг изменил свое решение, сел и, взяв руку Дуань Лина в свои ладони, крепко сжал ее. — Каков твой план?

— У меня нет никакого плана.

Дуань Лин решил придерживаться одну идею при себе, не желая раскрывать Елюй Цзунчжэню все свои карты.

— Ты решай, а я отправлю письмо У Ду. Он сделает все, как ты скажешь.

Елюй Цзунчжэнь кивнул.

— Так, мы должны будем пройти через Чэнь, проехать мимо Тунгуань в Силян, а затем вернуться в Чжунцин.

Раз уж Дуань Лин собирался помочь Цзунчжэню, то ему придется довести дело до конца — было бы лишено смысла помочь Елюй Цзунчжэню снять осаду, а затем оставить его на произвол судьбы. Об этом он тщательно подумал и ответил:

— Я написал письмо Хань Биню, командующему гвардии Юйбигуань. Когда придет время, ты замаскируешься под торговца и пройдешь через Юйбигуань. Так ты сократишь путь.

Елюй Цзунчжэнь взял письмо Дуань Лина, но лишь бегло просмотрел его и отложил в сторону.

— Спасибо.

Дуань Лин понимал, что ему еще нужно было все обдумать, но он не мог не сказать:

— Цзунчжэнь.

Он никогда бы не позволил себе такой фамильярности раньше, но сейчас их позиции были равны. Хоть Дуань Лин и был наследным принцем — пусть изгнанным и непризнанным, — формально правитель и престолонаследник считались равными. Именно поэтому Елюй Цзунчжэнь с самого начала обходился с ним, как с наследником престола.

Елюй Цзунчжэнь встретился взглядом с Дуань Лином.

— Я хочу кое-что сказать. В этот раз судьба свела нас, но в следующий раз я не знаю, что с тобой будет.

— Знаю, — Елюй Цзунчжэнь, естественно, понял, что Дуань Лин пытался напомнить ему, что он будет в большой опасности, если в ближайшее время не избавится от Хань Вэйюна. — Только благодаря тому, что в прошлый раз ты был на моей стороне, мне удалось избежать этой катастрофы. В моем сердце до сих пор хранились определенные чувства, из-за которых я не мог противостоять...

Дуань Лин понял, что он имел в виду вдовствующую императрицу Сяо. Все-таки они были матерью и сыном, поэтому Елюй Цзунчжэнь колебался. Но если по возвращении в Ляо он ничего не предпримет, то вся помощь, которую Дуань Лин так старательно оказывал ему, окажется напрасной. Спасти его — хорошо, но Дуань Лин не сможет смириться, если после его спасения дела не пойдут в нужном ему направлении.

С древних времён в императорских семьях царила жестокость; нередко отцы и сыновья сражались друг с другом, а кровные родственники убивали. А что, если это был он?

— Не волнуйся. В те времена я еще не разбирался в придворной политике, а мои сторонники не набрали силы. Поэтому после возвращения в Чжунцзин я выжидал. На этот раз Хань Вэйюн знает, что если он не убьет меня, то его убью я. Поэтому он и не сжигал мосты, как сейчас.

Даю тебе слово, что, вернувшись в Чжунцзин, найду способ избавиться от него в течение полугода.

Дуань Лин кивнул. Это обещание немного успокоило его.

— У тебя есть какие-нибудь сведения об убийце, который напал на тебя в Шанцзине? — спросил Дуань Лин. Он уже знал, что это Лан Цзюнься, но у него было смутное ощущение, что все было не так просто. Поскольку Лан Цзюнься не хотел ему отвечать, оставалось только спросить у Цзунчжэня, не знал ли он чего-нибудь.

— Я хотел поговорить с тобой о... — Елюй Цзунчжэнь замер, погрузившись в свои мысли. Он встал, сделав пару шагов, а затем продолжил. — Возможно, это имеет какое-то отношение к делу. Убийца был послан из вашей империи Чэнь.

Я знаю.

Елюй Цзунчжэнь продолжил:

— И исходя из этого я подозреваю, что Хань Вэйюн мог быть связан с Чэнь еще с тех времен. Но это еще нужно проверить. Как только я поймаю Хань Вэйюна, то допрошу его под пытками и менее чем через полгода расскажу тебе всю правду.

Дуань Лин чувствовал, будто перед глазами висела пелена, а правда была за ее пределами, размытая, нечеткая, взывающая к нему. Однако между ними всё ещё оставалась последняя ключевая преграда.

— Я хочу рассказать тебе о местонахождении двух мечей. После падения Шанцзина...

Дуань Лин тут же прикрыл рот Елюй Цзунчжэня рукой, понимая, что Лан Цзюнься все еще находился за дверью.

В цуне друг от друга Елюй Цзунчжэнь и Дуань Лин замерли, пристально глядя друг другу в глаза.

После небольшой паузы Елюй Цзунчжэнь принес лист бумаги и написал на киданьском: «Ляо и Юань три дня вели ожесточенную битву, и в конце концов монгольская орда была изгнана из города. После этого, очищая поле боя, они подобрали старинный меч у аллеи Фанвэнь, и когда-то он был подарен Хань Вэйюну».

В этот миг сердце Дуань Лина перестало биться.

Аллея Фанвэнь — она же находилась прямо за Калиновым двором.

Его глаза покраснели, и он с едва сдерживаемой печалью повернулся к Цзунчжэню. Тот напрягся и пошевелил губами: Дуань Лин?

Дуань Лин медленно покачал головой, а перед глазами мелькнула картина Седьмого Седьмого — Ли Цзяньхун из последних сил добирается до переуллка, всего одна стена, и они уже навсегда разделены жизнью и смертью.

Дуань Лин жестом попросил Цзунчжэня писать дальше. Тот на мгновение остановился и продолжил: «Я никогда не видел его, но это только слухи. Этот меч все еще должен быть в руках Хань Вэйюна. Поверь, я верну его тебе».

— А второй меч — это золотой меч хана Хубилая? — спросил Дуань Лин.

Хотя Елюй Цзунчжэнь не понимал, почему Дуань Лин перешел на письмо, когда они говорили о Чжэньшаньхэ, теперь, когда речь зашла о золотом мече, это, похоже, уже не имело для него значения, и он не стал спрашивать Дуань Лина об этом.

— Да. Это твой меч?

— Раньше он был моим. Но я потерял его во время побега.

— Не помнишь, где ты его видел в последний раз?

Дуань Лин долго пытался вспомнить, но потом ответил:

— В деревне недалеко от Шанцзина.

— Я отправлю людей на поиски, когда вернусь домой, — кивнул и добавил Елюй Цзунчжэнь. — Если никто не подобрал его, значит, он должен быть там, где ты его обронил; а если его взял кто-то из живущих поблизости, то, пока он не продал его, мы, скорее всего, сможем его найти. Но если его продали, то трудно будет выяснить, куда он делся.

— А какая польза от того, что мы его найдем?

— Обладание этим мечом — одно из предварительных условий для признания наследником хана Хубилая. Если нам удастся его найти, мы должны его уничтожить. Мы не можем допустить, чтобы у монголов снова появился хан, способный вновь объединить племена, по крайней мере в ближайшие сто лет.

Дуань Лин был полностью с ним согласен. Он подумал о Бату и, кивая, вздохнул.

— Можешь отдать его Борджигину, — сказал Дуань Лин. — Ваши две империи могут объединиться и поглотить нас, Великую Чэнь.

Елюй Цзунчжэнь улыбнулся.

— Ты что, ревнуешь его?

— Разве не вы, кидани, в свое время пропустили монголов? — хотя Дуань Лин и не хотел этого говорить, он ничего не мог с собой поделать.

— Если ты выйдешь за меня замуж, — усмехнулся Цзунчжэнь, — то ничего этого не случится. Мы вместе изгоним монголов и объединим центральную равнину. Ты сможешь управлять страной, а я буду исправно служить тебе — мы непременно встретим мир и процветание на земле.

Цзунчжэнь снова подшучивал над ним в середине разговора. Он понятия не имел, сколько правды было во всех его подколках, но вспомнил, что когда-то слышал, будто кидани раньше были воинственными, но по какой-то причине, занявшись политикой, стали относиться к ученым с такой любовью, что она граничила с одержимостью — особенно клан Елюй.

Цзунчжэнь мог и не испытывать к нему романтических чувств, а просто питать к нему особую симпатию. Однако большего он от него не добьется, поэтому Дуань Лин решил пока попошариться с Цзунчжэнем. Сначала он должен был сам все обдумать.

— Кто велел тебе убить Цзунчжэня? — тихо спросил Дуань Лин у Лан Цзюнься, когда вышел из комнаты.

Но Лан Цзюнься задал ему вопрос:

— Где Чжэньшаньхэ?

— Думаешь, я тебе скажу? — Дуань Лин не ожидал, что Лан Цзюнься осмелится задать ему этот вопрос.

— Не позволяй Чан Люцзюню завладеть им, — тихо произнес Лан Цзюнься. — Иначе Му Куанде больше нечего будет бояться.

— Даже если ему удастся завладеть им, он должен будет отдать его, — Дуань Лин почувствовал, как в животе закипает гнев, и, понизив голос, сказал. — Лан Цзюнься, о чем ты вообще думаешь?

— С Чжэньшаньхэ все по-другому. Им может владеть любой ученик Зала Белого Тигра. Если

Чан Люцзюнь откажется отдать его, то даже твой дядя ничего не сможет с этим сделать.

Неужели? Несмотря на все сомнения, Дуань Лин не думал, что Лан Цзюнься ему врал.

На дворе уже стояла ночь и свистел шторм. Нагрянул порыв холодного ветра, и Лан Цзюнься сделал нечто совершенно неожиданное — поднял скованные руки и поправил воротник Дуань Лина.

Дуань Лин сделал шаг назад, чувствуя себя странно взволнованным. Не желая больше встречаться взглядом с Лан Цзюнься, он отвернулся, а затем, словно испытывая угрызения совести, поспешно побрел по коридору, расстроенный.

Не говоря ни слова, Лан Цзюнься быстро догнал его и последовал за ним в комнату.

Чжэн Янь все еще пил. Дуань Лин даже не думал, что он вообще переставал пить. Чан Люцзюнь опять куда-то ушел.

— Где Чан Люцзюнь? — спросил Дуань Лин.

— Сказал, что ему нужно что-то сделать. Ушел куда-то.

Поразмыслив, Дуань Лин решил, что Чан Люцзюнь, скорее всего, отправился присматривать за Цянь Ци. Ночью северный ветер превратил весь город в ледяной погреб, и если Цянь Ци замерзнет насмерть из-за того, что за ним не присматривали, то все их усилия пойдут прахом.

Дуань Лин вздохнул.

— В чем дело? — произнес Чжэн Янь.

— Давай спать, — сказал Дуань Лин. — Я устал.

Чжэн Янь спросил:

— Мне согреть тебе постель?

Дуань Лин сразу же отмахнулся. Лан Цзюнься встал, собираясь выйти из комнаты, но Дуань Лин, немного подумав, сказал:

— Улохоу Му, оставайся спать здесь.

Порой он не понимал, шутит ли Чжэн Янь или действительно что-то замышляет. Пока рядом был Лан Цзюнься, Чжэн Янь вряд ли посмеет при всех забраться на кровать... Хотя Дуань Лин сомневался: даже если тот и решится, Лан Цзюнься, скорее всего, просто будет наблюдать.

— Я буду биться с ним до смерти, — произнес Лан Цзюнься, словно прочитав мысли Дуань Лина.

Дуань Лин молча посмотрел на него.

— С кем и за что ты будешь биться? — спросил Чжэн Янь, совершенно обескураженный.

— Хватит болтать, иди спать.

Дуань Лин был измотан до предела. Сегодня произошло так много всего; если У Ду ехал и днем, и ночью, то верхом на Бэнь Сяо он уже должен был прибыть в долину Хэйшань.

Еще день — и он сможет вернуться в Е. Бэнь Сяо очень быстр. Через двое суток он сможет привести свою армию в долину Хэйшань. Оставим ему еще один день на подготовку войск... Дуань Лину так хотелось спать, что его чувства начали расплываться, и он постепенно уснул.

В течение следующих нескольких дней не происходило ничего особенного, и все проявляли необычайное терпение: возможно, это и был талант убийц. Чжэн Янь и Чан Люцзюнь не задавали ни одного вопроса, и, исключением редких попыток завести разговор с бесконечными колкостями по кругу, в целом они не выходили за рамки терпения Дуань Лина.

Постепенно Дуань Лин научился быстро пресекать их разговоры в зародыше. Таким образом, ему удавалось сохранять тишину и покой почти целый час.

На третий день пришел Елюй Цзунчжэнь и оглядел всех троих в комнате.

— Готов идти? — вышел во двор и спросил Дуань Лин.

Снег уже растаял, обнажив грязную и неухоженную землю. Немного потеплело, и температура скакала туда-сюда от одного времени года к другому. До начала зимы оставался почти месяц.

— Я готов, — произнес Елюй Цзунчжэнь. — Твои люди уже прибыли?

— Да.

Он знал, что раз У Ду дал ему обещание, то он успеет вовремя, несмотря ни на что.

— У меня здесь схема монгольского военного лагеря, — сказал Елюй Цзунчжэнь. — Взгляни.

Дуань Лин развернул пергамент, который протянул ему Елюй Цзунчжэнь.

— Где ты это взял?

— Шулюй Жуй нарисовал это по памяти. Сегодня ночью мы пошлем войска, чтобы ворваться в их лагерь. Мы с тобой прорвемся через вражескую оборону и сбежим на юго-восток.

— Мое подкрепление уже здесь.

Дуань Лин и Цзунчжэнь шли бок о бок. Он указал на долину Хэйшань на карте.

— Всего две тысячи человек, сидят в засаде.

— Достаточно. Они не обязательно опознают нас. Если мы успешно прорвемся через лагерь и потеряем преследователей, то нам даже не понадобится твое подкрепление.

— Нет. Если наш противник — Бату, он ни за что не отпустит тебя так просто.

Он остановился и встретился взглядом с Елюй Цзунчжэнем.

— Если ничего не выйдет, — произнес Елюй Цзунчжэнь, — возвращайся на территорию Чэнь, а я останусь, чтобы выиграть время. Он не знает, что ты со мной. Незачем нам обоим погибать здесь.

Но Дуань Лин вдруг засмеялся, и Елюй Цзунчжэнь изумленно спросил:

— Над чем ты смеешься?

Ты действительно смел, Цзунчжэнь. Не боишься, что я, возможно, сговорился с Бату, чтобы обманом выманить тебя из города и продать монголам? Он не знал, почему, но Дуань Лин просто чувствовал, что Цзунчжэню можно доверять. Точно так же, как он не беспокоился, что Цзунчжэнь оставит его Бату и сбежит подобно цикаде, сбрасывающей свой панцирь, так и Цзунчжэнь не беспокоится, что он объединится с Бату, чтобы расправиться с ним.

В результате Чэнь и Ляо вместе либо выстоят, либо падут. Порой взаимовыгодный союз оказывался куда надежнее личных отношений, и это делало проверку их дружбы на прочность совершенно излишней.

— Мне также нужна твоя помощь в еще одном деле, — тихо объяснил Дуань Лин свой план

Елюй Цзунчжэню. Он лишь сказал, что его подчиненному нужно отправить людей за пределы города, но не говорил, кого именно.

— Хочешь произвести ложный маневр, — сказал Елюй Цзунчжэнь. — Кажется хорошей идеей.

— Значит, на сегодня все готово? — тихо произнес Дуань Лин.

Елюй Цзунчжэнь кивнул, и Дуань Лин отправился готовиться. Сначала он выпроводил Лан Цзюнься из комнаты, а затем подробно рассказал Чан Люцзюню и Чжэн Яню о своем плане.

— Сегодня вечером, — сказал Дуань Лин, — все силы монголов будут сосредоточены у восточных ворот.

Дуань Лин нарисовал маршруты на карте Лояна.

— Вам нужно просто отправиться в произвольном направлении, и двести человек из городской стражи Лояна пойдут вместе с вами. Будет десять отрядов, двести человек в пяти и четыреста в остальных пяти.

Чан Люцзюнь замолчал, а Чжэн Янь разразился хохотом.

— Ты просто поражаешь!

Дуань Лин запланировал десять отрядов и собирался отправить их из Лояна по отдельности. Таким образом, монгольская орда не сможет понять, в каком из них находился Цзунчжэнь. Они бросят все силы на погоню, но в итоге их обманут и заставят бегать вслепую.

— А что, если меня поймают? — спросил Чан Люцзюнь.

— На это у меня нет идей, — Дуань Лин развел руками.

Цянь Ци или Цзунчжэнь — кто важнее? Между собственным положением наследника империи и союзом между двумя народами... В конце концов, Дуань Лин мог оценить, что из этого важнее. Человек предполагает, а бог располагает — последнее слово остается за небесами.

Чан Люцзюнь получил от него командный жетон и ушел, планируя в полночь дожидаться отряд стражников у западных ворот, чтобы вывести Цянь Ци из города. За остальное Дуань Лин уже не отвечал.

Только после этого Дуань Лин обратился к Чжэн Яню:

— Что нам делать с Улохоу Му?

— Возьмем его с собой. Не бойся.

— И что потом?

— Заклучи его в Е. Не возвращай в Восточный дворец. Так, наследный принц точно будет подпрыгивать при виде собственной тени. Мы придумаем план, когда приедем туда.

Дуань Лин собирался спросить Чжэн Яня, сможет ли он защитить и себя, и Лан Цзюнься, но, подумав, решил, что Елюй Цзунчжэнь тоже не лыком шит — у него в подчинении было множество телохранителей. Их силы были разделены на десять частей для прорыва сквозь осаду, и в их группе было много опытных мастеров боевых искусств, да еще и Чжэн Янь. Они действительно были в большей безопасности, чем кто-либо другой.

— Хорошо.

Дуань Лин на самом деле хотел отпустить Лан Цзюнься, но куда ему идти? Без противоядия У Ду он был всего лишь обычным человеком. Неужели он должен оставить Лан Цзюнься на произвол судьбы?

Чжэн Янь видел, что Дуань Лин колебался, и после небольшой паузы спросил:

— Ты хочешь его убить?

Ошеломленный его предложением, Дуань Лин резко ответил:

— Какой смысл его убивать? Когда-нибудь нам придется противостоять «наследному принцу» на придворном собрании, а без него мы не сможем этого сделать.

Чжэн Янь, сняв перчатку, сел на кушетку и невзначай произнес:

— Чан Люцзюня здесь нет, так что нет никакого вреда в том, чтобы сказать это тебе. Убить его прямо сейчас — самый безопасный вариант. Нам не о чем беспокоиться.

Дуань Лин бросил на Чжэн Яня настороженный взгляд. Похоже, он действительно недооценивал Чжэн Яня. Этот парень тоже был довольно безжалостен.

— Даже если ты пощадишь его сейчас, он все равно умрет, но если ты убьешь его здесь, то хотя бы избавишь его от четвертования.

— Почему ты так хочешь его убить?

— Из-за Его Величества, — ответил Чжэн Янь. — Если наследный принц — самозванец и мы не убьем его сейчас, он может отчаяться настолько, что попытается убить Его Величество.

— Разве держать его под замком будет недостаточно? Противоядие находится в руках У Ду. Пока мы не отдадим его ему, он ничего не сможет сделать.

— А что, если на суде он станет обвинять других людей? Попытается подставить Яо Фу или Се Ю? Как ты поступишь?

— Нет. Не может быть, — ответил Дуань Лин. — Это слишком серьезное дело. Мы не можем сделать это без одобрения У Ду.

Чжэн Янь улыбнулся ему.

— Мы здесь одни. Об этом знают только небо и земля, ты и я. Когда мы избавимся от него, просто скажем, что его застрелили монголы, когда он покидал город. Свидетелей не будет. Все будет в порядке, господин Ван.

— Нет, — наконец сказал Дуань Лин. — Я знаю, что все будет в порядке. Но я не хочу его убивать.

— Почему ты так упорно хочешь оставить его в живых?

— Потому что некоторых людей не нужно убивать. Разговор окончен, Чжэн Янь.

Дуань Лин знал, что если Чжэн Янь действительно хотел избавиться от Лан Цзюнься, то ему вовсе не обязательно было спрашивать мнение Дуань Лина; как Дуань Лин мог сравниться с Чжэн Янем в схватке? В какой-то степени он очень уважал его мнение.

Он забрал у Чжэн Яня перчатку и взглянул на его оголенную руку. На тыльной стороне руки была татуировка с изображением белого тигра.

Он помог Чжэн Яню надеть ее, и тот лишь улыбнулся ему, а затем прекратил разговор.

Дуань Лин позвал Лан Цзюнься в комнату. Тот не понимал, что за то короткое время, что он был снаружи, его отправили к воротам ада и обратно; он просто тихо и спокойно стоял, пристально глядя на Дуань Лина.

— Мы должны уехать сегодня вечером.

Дуань Лин взял в руки Цинфэнцзянь и осторожно обнажил меч.

— Ты решил сейчас убить меня?

Волосы Лан Цзюнься немного растрепались. Похоже, он не спал несколько дней, и, когда задал вопрос, тон у него был такой безразличный, словно он спрашивал «не пора ли ужинать?»

Дуань Лин держал Цинфэнцзянь в руке, ощущая его вес. Он сверлил взглядом Лан Цзюнься, и они молча наблюдали друг за другом.

Неужели он верит, что я убью его? Дуань Лину почему-то вспомнилось, как он набросился с клинком на Лан Цзюнься в ту ночь, когда тот появился в Калине в разгар проливного дождя.

Затем Дуань Лин нанес удар мечом.

И чугунные оковы Лан Цзюнься с металлическим лязгом развалились.

Дуань Лин вручил ему Цинфэнцзянь.

— Следуй за нами сегодня. Если не хочешь умереть, не думай, что сможешь сбежать.

Взяв Цинфэнцзянь, Лан Цзюнься развернулся и вышел на улицу.

Чжэн Янь тем временем стоял у зеркала, расправляя халат мастера боевых искусств, а Дуань Лин с опаской наблюдал за тем, как небо понемногу темнеет. Вскоре он с удивлением услышал, как за дверью прозвучала мелодия «Радость встречи».

Флейта Лан Цзюнься все это время была при нем, в ножнах Цинфэнцзяня. Дуань Лин вспомнил, как он играл в день дворцового экзамена, и задался вопросом, играл ли он на ней, когда находился во дворце; ему было интересно, сколько раз ее слушал Цай Янь.

Чжэн Янь закончил укладывать свои вещи в тканевый сверток и сел в углу. Он переоделся в черную одежду — так он сможет лучше скрыться в темноте, когда они отправятся в путь.

— Тебе нужно немного поспать, — сказал Чжэн Янь.

Слушая «Радость встречи», Дуань Лин словно вернулся в далекое-далекое прошлое и постепенно уснул, полулежа на кушетке. Через некоторое время ледяная рука осторожно коснулась его щеки.

— Просыпайся, — произнес голос У Ду.

Дуань Лин сначала подумал, что ему снится сон, но теплые губы У Ду были уже на его губах. Он резко открыл глаза — это У Ду!

Широко распахнув глаза, Дуань Лин в недоумении уставился на У Ду. Тот немного устало улыбнулся ему, будучи одетым в черную одежду.

— На улице идет снег, — тихо произнес У Ду. — Тебе лучше одеться потеплее.

— Что ты здесь делаешь? — удивленно спросил Дуань Лин.

— Я оставил Цинь Луна ждать в долине Хэйшань с армией.

У Ду убрал руку от Дуань Лина, не позволяя ему схватить свою ладонь. Он тихо сказал:

— Я холодный. Не трогай меня пока.

У Ду сидел на краю кровати, одетый во все черное, и Дуань Лин задался вопросом, как ему удалось пробраться в город, но под его полувлажной одеждой скрывалось обжигающе горячее тело. Дуань Лин обхватил его руками, не желая ничего говорить, и просто поцеловал.

У Ду ненадолго оторвался от губ Дуань Лина, тяжело дыша, и произнес:

— Я знал, что вы еще не покинули город... — но остаток фразы сорвался на стон.

Дуань Лин снова прижался к его губам, и они продолжили целоваться.

— Хватит, хватит, — еще немного, и У Ду не смог бы себя контролировать. — У нас будет достаточно времени, чтобы заняться этим, когда вернемся домой. Давай, пойдем.

— Где они? — спросил Дуань Лин.

— Ждут снаружи. Я просто не смог бы успокоиться, если бы не пришел сюда сам.

— Сколько с тобой людей?

— Я один. Пришел, карабкаясь по горам, и чуть не упал. Снег еще не растаял. Я весь в слякоти.

Дуань Лин заметил царапину на локте У Ду и обработал ее лекарством. После этого У Ду взял его за руку и сказал:

— Пойдем.

Они вышли в коридор. Оглядевшись по сторонам, У Ду сказал:

— Чжэн Янь, наверное, взял с собой Улохоу Му, и ждет нас у восточных ворот.

Почти все в штабе городской стражи уже ушли, каким-то образом не потревожив спящего Дуань Лина. Как только они вышли из ворот, солдат, ожидающий их снаружи, обратился к ним:

— Господин, Его Величество желает видеть вас у восточных ворот.

Человек в шлеме был Шулюй Жуюем. У Дуань Лина появилась идея, и он сказал ему:

— Иди, принеси нам три комплекта доспехов и жди у восточных ворот.

Люди Елюй Цзунчжэня уже собрались у восточных ворот, не зажигая ни одного факела, и разделились на две части. Первый отряд будет отвлекать внимание монголов, а Дуань Лин будет находиться во втором.

Чжэн Янь и Лан Цзюнься, ожидая их, сидели на лошадях, а У Ду ехал с Бэнь Сяо и Дуань Лином. В тишине сотни солдат не произносили ни слова, спокойно наблюдая за двумя людьми на коне. Елюй Цзунчжэнь облачился в доспехи рядового солдата. Он поднял руку в сторону Дуань Лина и поприветствовал его.

У Ду не обращал на него внимания, но направил Бэнь Сяо так, что тот повернулся к нему боком. Дуань Лин одной рукой обхватил У Ду за талию, а другую поднял, чтобы поприветствовать Цзунчжэня.

Цзунчжэнь повел коня в сторону Дуань Лина и У Ду и остановился перед ними.

— Храбрый воин, от имени жителей Ляо благодарю тебя за спасение моей жизни, — сказал на киданьском Елюй Цзунчжэнь.

У Ду, похоже, задумался. Он повернулся и взглянул на Дуань Лина, приподнимая бровь, чтобы тот что-то ответил.

Дуань Лин немного нервничал, но Цзунчжэнь улыбнулся ему.

— Если мне удастся вернуться в Чжунцзин и выжить, я обещаю тебе прямо здесь и сейчас, что до самой моей смерти то, что случилось в Шанцзы, не повторится. Киданьские военные больше не сделают ни шагу за Сюньшуй; мы никогда не вторгнемся в Хэбэй. В качестве благодарности

я также подарю вам три тысячи таэлей золота, десять тысяч таэлей серебра, десять тысяч шишеничной муки и две тысячи лошадей.

Цзунчжэнь сказал это на киданьском, и, после того как Дуань Лин перевел это, У Ду, казалось, был немного тронут.

— Это мы еще посмотрим, — особо не церемонясь ответил У Ду.

Солдат, работающий под началом Елюй Цзунчжэня, быстро подошел к нему с двумя рулонами пергамента в руках и вручил их Цзунчжэню и У Ду.

Дуань Лин и У Ду от удивления не могли вымолвить ни слова.

Они и подумать не могли, что Цзунчжэнь согласится подписать с ними договор! Чернила на договоре еще не высохли — он явно был написан сегодня вечером, и каждый пункт был изложен как на киданьском, так и на ханьском — это было именно тем соглашением, которое обязывало никогда не вторгаться в Хэбэй!

У Ду был всего лишь комендантом Хэцзяня, и по всем правилам он не должен был выступать на равных с императором Ляо. Чтобы выразить свою благодарность, Цзунчжэнь поставил себя на более низкую позицию в порядке проведения обрядов. Если У Ду попытается отказаться, это обернется для него унижением.

Дуань Лин бросил взгляд на У Ду, и тот, улыбнувшись, сказал:

— Интересно.

Солдат под командованием Цзунчжэня поднес ему чернила из киновари. У Ду некоторое время молча размышлял, а затем поставил большой палец на подушечку и сделал отпечаток на пергаменте.

— Благодарю за щедрость, — ответил У Ду.

У Ду не должен был подписывать договор от имени империи Чэнь, но Чэнь была основана на военной мощи, и с момента ее создания действовало правило, согласно которому военные офицеры рангом выше уездного магистрата могли «действовать по своему усмотрению вдали от столицы». Таким образом, во время мирных переговоров с вражеским государством можно было действовать от имени Сына Неба по всем вопросам, не касающимся уступки территории, репараций и брачных союзов.

Цзунчжэнь также взял киноварь и поставил отпечаток своего пальца на пергаменте. Солдат снова свернул его и обмотал золотыми лентами. Первый из них он вручил У Ду, а тот передал его Дуань Лину. Второй рулон вручили Цзунчжэню.

— Это Шулюй Жуй, — сказал Цзунчжэнь Дуань Лину, — он из клана моей бабушки. Семья Шулюй уже почти сто лет служит моему клану Елюй. И теперь я прошу его отправиться с вами, чтобы служить вам.

— Гм... — Дуань Лин собирался отказаться, но У Ду знал, что в такой момент он не должен был возражать, чтобы не навредить отношениям между их двумя народами. Он повернулся и подал ему знак взглядом.

Дуань Лин понял. Ему оставалось лишь кивнуть, и он вдруг почувствовал себя очень тронутым.

— Шулюй Жуй, — Елюй Цзунчжэнь велел ему подойти к ним, и оба спустились с лошадей. Дуань Лин стоял на месте, а Шулюй Жуй опустился на колени, чтобы поклясться в верности Дуань Лину. Тот поспешно помог ему подняться.

— Ты должен служить ему так же, как служил мне, — приказал Шулюй Жую Елюй Цзунчжэнь.

Шулюй Жуй громко отозвался:

— Да, Ваше Величество!

Елюй Цзунчжэнь посмотрел в глаза Дуань Лину.

— Ты спас ему жизнь. Когда я заговорил с ним об этом, он тоже захотел пойти сам. Но ты должен относиться к нему так же, как ко мне. Он не раз спасал мне жизнь. Мы выросли вместе и стали лучшими друзьями.

Елюй Цзунчжэнь действительно собирался передать ему такого человека, что было равносильно тому, чтобы «подарить» Шулюй Жую Дуань Лину. Ему было трудно с этим смириться, но он не мог отказаться, поэтому шагнул вперед и крепко обнял Елюй Цзунчжэня.

— Береги себя, — произнес Дуань Лин.

Пройдет немного времени, и они расстанутся и будут жить на разных концах земли. Елюй Цзунчжэнь мог бы подождать до снятия осады и передать ему Шулюй Жую, но он заговорил об этом заранее, явно готовясь к непредвиденным обстоятельствам.

Солдат принес им три комплекта доспехов. Дуань Лин заставил У Ду надеть одни, но Чжэн Янь отмахнулся, говоря, что они ему не нужны. Тогда Дуань Лин указал на Лан Цзюнься, подразумевая, что он должен заставить его надеть их, чтобы в него не попала шальная стрела.

Городская стража готовилась к бою, а телохранители Елюй Цзунчжэня, Дуань Лин и его люди ждали позади них.

— Варвар подарил тебе своего лучшего друга, — У Ду повернул голову, чтобы тихо поговорить с Дуань Лином, стоящим позади него, — ты не собираешься дать ему что-то взамен?

Дуань Лин ответил:

— А что я должен ему дать? Мы так бедны.

У Ду обернулся и посмотрел в конец группы.

— Мы должны просто отдать ему Улохоу Му. Скажем, чтобы он забрал его к себе и был счастлив. Нет необходимости возвращать его обратно.

Дуань Лин даже не знал, что ему ответить, но понимал, что У Ду просто шутит.

— Когда мы будем прорываться через вражеские ряды, не забывай держаться крепче, — добавил У Ду.

Дуань Лин крепко обхватил У Ду за талию и прижался виском к его лопаткам, ощущая силу, исходящую от его широких плеч.

— Я не имею в виду сейчас, — тихо добавил У Ду.

Дуань Лин ответил:

— Смотри, не упади в обморок, как в прошлый раз.

— Это была полностью твоя вина.

Издали до них донесся шум боя. Войска у южных ворот пришли в движение и начали атаку на монголов.

По городской стене к ним побежал гонец, держа в руках факел — войскам у восточных ворот была пора выдвигаться!

Восточные ворота открылись, и из них галопом выехал первый отряд.

Сердце Дуань Лина подпрыгнуло к горлу. Он знал, что все эти люди готовы были отдать жизнь за Цзунчжэня, а их задачей было отвлечь врага и сражаться до последнего человека — шанс, что кто-то из них вернется живым, был невелик.

Елюй Цзунчжэнь надел шлем и влился в строй своих телохранителей. Выражение его лица стало холодным, а эмоции в глазах — нечитаемыми. Он повернулся и взглянул на Дуань Лина.

— Если он умрет, — сказал У Ду, — значит, мы не получим ни еды, ни денег?

Дуань Лин был напряжен, но, услышав это, не мог не улыбнуться.

— Он понимает ханьский, — сказал Дуань Лин.

Елюй Цзунчжэнь тоже улыбнулся.

— Прощу прощения.

Впрочем, У Ду было все равно, он сложил руку в кулак и поклонился Елюй Цзунчжэню.

— У нас, киданей, есть такая поговорка: «Жизнь и смерть — всего лишь противоположные берега реки, и человек всю жизнь тратит на то, чтобы переплыть ее». Я просто переберусь на другой берег раньше. Это сохранит мне силы.

Дуань Лин вспомнил песню, которой давным-давно его научил отец.

— Небо и земля будут моим гробом, солнце и луна будут моим церемониальным нефритом...

Это была народная песня, которую часто пели солдаты за Великой стеной.

— Звезды будут моими погребальными драгоценностями, о, и все живые существа отправят меня в мир иной...

Каким-то образом ханьские солдаты тоже знали эту песню; хотя они и не понимали, что она означает, но подпевали. В песне говорилось о том, что, когда ты умрешь в глуши, небо и земля станут твоим гробом, солнце и луна — резными нефритовыми изделиями, которые погребают вместе с мертвыми, а звезды — ослепительными драгоценностями. Все живые существа будут воспевать тебе хвалу, когда ты покинешь этот мир.

— Разве не все уже готово для моих похорон? Зачем же тратить еще больше... — раздался чистый тенор Дуань Лина, его глаза были спокойны, как ночь, когда он встретился взглядом с У Ду, изгибаясь в улыбке.

Ворота снова открылись, и командир отряда подал сигнал.

Елюй Цзунчжэнь с улыбкой ответил:

— Я буду вашим авангардом, заряжай!

За городом факелы монгольской орды освещали ночное небо так же ярко, словно днем, и как только ворота открылись, раздались яростные боевые кличи, шумные до невообразимости, и повсюду вокруг них сражались солдаты. Хотя Бэнь Сяо выехал вслед за передовым отрядом, он быстро оказался впереди. У Ду направлял коня коленями и выхватил меч. С Дуань Лином за спиной он следовал за стражниками Цзунчжэня и ворвался во вражеский строй!

Второй раз в жизни Дуань Лин столкнулся с таким количеством монгольских воинов.

Монголы мчались на них подобно наступающему приливу, но бронированная конница Елюй Цзунчжэня была еще более свирепа, чем они, и без колебаний ворвалась во вражеский строй, когда волна за волной кидани выходили из города, чтобы прорвать осаду. Монгольские солдаты еще не поняли, чего добивались кидани, и просто считали, что они пришли напасть на их лагерь. Как только они осознали ситуацию, их атаковали сразу в нескольких местах с тыла.

Отряд за отрядом киданьские солдаты выходили из города и бросались к оборонительному периметру монголов, прорезая с каждым отрядом новую брешь в их обороне. Монголы начали перебрасывать свои войска, пытаясь хоть как-то ответить на это нападение.

Дуань Лин не знал, сколько человек было перед ними, но Цзунчжэнь, должно быть, уже послал разведчиков на городскую стену, чтобы те наблюдали за ними и убедились, что они атакуют самую слабую часть обороны монголов. И все же, когда они обрушились на врага лоб в лоб, то обнаружили там не менее тысячи воинов.

Закованные в броню боевые кони пробивались сквозь линии противокавалерийских шипов, и первая волна монголов, идущих навстречу, обрушилась на землю; затем еще больше монголов попытались обойти конницу с фланга. Вокруг раздавались звуки убийств и крики. Повсюду летали шальные стрелы. У Дуань Лина уже не было сил использовать свой лук: если его сшибут с лошади, он погибнет.

Он крепко обхватил У Ду за талию и, закрыв глаза, зарылся головой между его лопаток. Он думал, что услышит много криков, но вокруг них на самом деле было довольно тихо.

А все потому, что У Ду держал в руках Легуанцзянь и без разбора рубил всех приближающихся людей и лошадей. Если кто-то нападал на них с мечом в руках, он отрубал им конечности вместе с оружием. Время от времени он доставал из-под одежды скрытое оружие, и когда оно вылетало, люди падали с лошадей, не успев проронить ни звука.

И меч, и скрытое оружие были покрыты смертельным ядом. Даже если они попадут только в лошадь, та упадет на землю и в одночасье умрет.

Он был подобен богу смерти в ночи, пропитанному кровью; любое живое существо, которое хотя бы коснется его, умрет, так и не поняв, что произошло.

Когда наступление немного замедлилось, У Ду прокричал:

— Шань-эр!

Дуань Лин крепко сжал руку, чтобы дать понять У Ду, что с ним все в порядке, и тот воскликнул:

— Всем задержать дыхание!

Затем он подул в железный свисток. Его ци прошла сквозь металл, издавая пронзительный звук, и он бросился на последнюю линию обороны.

Елюй Цзунчжэнь и стражники одновременно задержали дыхание, получив сигнал, и сотня всадников, которым удалось прорваться, поскакала в унисон, а копыта их лошадей ударяли по земле, словно заглушая гром. Они яростно набросились на тысячу вражеских солдат, которые только что возобновили атаку!

В тот момент, когда две армии встретились, У Ду развел руки в стороны, перегнулся через спину Бэнь Сяо и Дуань Лина, и, используя свою ци, рассыпал две линии порошкообразного яда в обе стороны. Порошок вылетел в горизонтальном направлении, беззвучно рассеивая в воздухе яд.

Затем У Ду потянулся рукой к Дуань Лину. Все солдаты за его спиной одновременно наклонились и спрятались за своими лошадьми, крепко держась за них, пока они врезались в монгольский передовой отряд.

Монголы держали оружие высоко над головой, но как только они коснулись яда, все попадали, и в их оборонительном периметре появилась еще одна брешь. У Ду встряхнул Легуанцзянем, рассек отравленного солдата надвое и первым прорвал осаду с другой стороны!

— Мы прорвались! — крикнул У Ду.

Дуань Лин тут же снял со спины лук, наклонившись, натянул тетиву и прицелился в армию позади них.

Киданьские воины тоже прорвались за периметр. Кроме отравленных солдат, у монголов осталось несколько сотен человек, и они, не теряя ни секунды, перешли во фланговый строй, чтобы напасть на них!

— Снять доспехи! — прокричал в темноте киданьский солдат.

Когда лошади бешено мчались вперед, каждый киданьский воин дернул за веревку на своем

коне, и с грохотом пристегнутые к ним железные доспехи разлетелись на куски, оставляя позади шлейф металлических деталей. Затем каждый телохранитель сорвал стальные пластины со своего тела — они избавлялись от доспехов и шлемов по ходу бега, чтобы уменьшить свой вес.

Монголы начали выпускать стрелы. Одна стрела полетела в их сторону и задела щеку Елюй Цзунчжэня, а мимо его уха проносились все новые и новые звуки разрывающихся в воздухе стрел. Дуань Лин прицелился во вражеского лучника и решительно выстрелил.

Но его целью была лошадь лучника. Она тут же попятилась, а сидящий на ней человек был растоптан всадниками прямо за ним. Дуань Лин сделал несколько выстрелов, и каждая стрела попала в цель.

У Ду дал ему достаточно отравленных стрел, начиненных змеиным ядом, который убивал при прикосновении. Дуань Лин стрелял только в лошадей, и не успели они оглянуться, как он уже завалил своими стрелами десятки всадников.

— Нам уже удалось прорваться? — спросил Дуань Лин.

Киданьских солдат становилось все больше и больше, но они не смели ослабить бдительность. У Ду обернулся и произнес:

— Чжэн Янь!

— Здесь!

Лицо Чжэн Яня было залито кровью. Он вытер его и сказал:

— Я не знаю, выбрался ли еще Чан Люцзюнь!

— Где Улохоу Му? — спросил Дуань Лин.

— Позади нас! — ответил Чжэн Янь.

— Не дайте ему сбежать! — крикнул У Ду.

Охранники Елюй Цзунчжэня догнали их и выстроились позади в форме крыльев. У Ду замедлил шаг.

— Где ваш командир?

— Я здесь! — воскликнул Цзунчжэнь.

Они потеряли почти сотню человек, но все личные охранники Цзунчжэня уцелели. Обернувшись, Дуань Лин заметил, что за ними следовали три боевых коня, и среди них был Шулюй Жуй.

— Кто-нибудь ранен? — спросил Дуань Лин.

Ответа не последовало. Даже если кто-то и был ранен, никто не осмелился бы сказать об этом, чтобы не нагружать остальных. Будем надеяться, что с ними все в порядке, — Дуань Лин немного расслабился.

— У тебя остались стрелы? — спросил У Ду.

— Двенадцать. У тебя есть еще?

— Полегче с остальными, — произнес У Ду. — Этот вид яда слишком сложно изготовить.

Дуань Лин утвердительно хмыкнул. Над ними сгущались мрачные тучи, скрывая луну, и ночь была настолько темна, что он ничего не мог разглядеть. Копыта их лошадей были обмотаны тканью, чтобы не насторожить монголов.

И все же неподалеку от них раздались звуки боя — отряд монгольских солдат сражался с киданьским войском.

— Разворачиваемся! — сразу же произнес У Ду.

Но было слишком поздно: идущая впереди монгольская орда уже обнаружила их, и, бросив сражающихся с ними киданьских солдат, устремились к новой цели по дороге. Этот отряд явно был заслан, чтобы поджидать их на пути — и в нем было более двух тысяч воинов.

По всей дороге были разбросаны монголы, их луки стояли наготове, и они целились в киданей. Если они попытаются броситься на монголов в лоб, то точно погибнут!

— На торговые поля! — прокричал Елюй Цзунчжэнь, — Встретимся в назначенном месте!

Под его командованием киданьское войско устремилось на торговые поля по обе стороны равнины. Затем отовсюду полетели нацеленные на них стрелы, и монгольская орда тоже разделась на две части, прежде чем ринуться в поля!

Со всех сторон в темноте доносились звуки, а в воздухе летали шальные стрелы,

обрушивающиеся на спину Дуань Лина. В доспехах Белого Тигра трудно было сказать, сколько стрел Дуань Лину удалось отбить для У Ду — его спина невыносимо болела.

В полях раздался шорох — казалось, что-то на огромной скорости несло к ним между стеблями сорго.

Почувствовав опасность, У Ду внезапно выхватил меч и, пригнувшись, с металлическим лязгом нанес удар по кинжалу. Затем, взмахнув мечом, он поднял туман крови.

Пехотинцы! Сердце У Ду учащенно забилося — неужели пешие солдаты могут так быстро передвигаться?!

В этот момент на них налетело лассо, и Бэнь Сяо упал. У Ду схватился рукой за Дуань Лина, и они спрыгнули со спины коня!

— Вверх!

С яростным воем У Ду, используя импульс от кувырка, уперся плечом в бок Бэнь Сяо, пытаясь поставить его обратно на копыта. Когда они уже собрались сесть на лошадь, позади У Ду кто-то внезапно возник перед Дуань Лином, выхватил саблю и нанес удар.

У Ду обернулся. В то же время Дуань Лин быстро сделал шаг назад, и в эту долю секунды он хорошо разглядел нападавшего!

Убийца был одет во все черное — он точно не был монголом!

Сохраняя спокойствие перед лицом опасности, Дуань Лин достал из-за спины стрелу, чтобы сразиться с убийцей врукопашную. В мгновение ока сабля убийцы обрушилась на него, рассекая живот и распарывая халат, под которым скрывались доспехи Белого Тигра. Тем временем стрела Дуань Лина поцарапала щеку убийцы, рассекая кожу и поднимая брызги крови.

Убийца сделал шаг вперед и внезапно упал.

У Ду снова нанес удар мечом, схватил Дуань Лина и ушел с пути убийцы, надвигающегося на них сбоку. Одним плавным движением вниз он разрубил убийцу на сорговом поле.

Крошечные стрелы беззвучно пролетали по воздуху. Другой убийца бросился на Бэнь Сяо, и тот отбросил его ударом ноги.

— Бэнь Сяо! Беги! — яростно приказал ему Дуань Лин, понимая, что они не смогут бежать достаточно быстро, чтобы догнать боевого коня.

У Ду взял Дуань Лина за руку и побежал вглубь поля. Еще один клинок обрушился на них сверху; длинный меч У Ду пронзил убийцу и убил его. Он поспешно убрал клинок в ножны и поменялся с Дуань Лином местами, прикрывая его спиной, развел руки в стороны, и к торговому полю, словно дождь из цветочных лепестков, полетели бесчисленные дротики. Сквозь высокую траву был слышен глухой стон: убийцы попадали на месте.

— Теневая стража? — спросил Дуань Лин.

— Не бойся! — сказал У Ду. — Держись рядом!

Но уже в следующее мгновение монгольская орда почти настигла их, а Дуань Лин и У Ду бежали по полю, не в силах найти своих спутников. Меч снова устремился на них, и с громким криком У Ду развернулся и бросился в укрытие — но тут же на них налетел целый отряд монгольских солдат!

— У Ду! — в панике прокричал Дуань Лин.

В темноте царило столпотворение, и Дуань Лина едва не сбросили на землю проносящиеся мимо лошади, вынуждая их разнять сцепленные руки. К счастью, У Ду перед столкновением отпустил его, иначе монгольский солдат отрубил бы Дуань Лину руку, когда взмахнул саблей, сидя на лошади.

Дуань Лин обхватил голову руками и покатился по полю. Когда он снова встал, то уже не видел У Ду. Он тут же вскинул оружие, пытаясь найти укрытие.

В такой момент нельзя было звать на помощь, иначе он погибнет, как только убийцы придут на голос.

Он натянул тетиву. Осталось еще одиннадцать стрел. Возможно, ему удастся продержаться еще какое-то время.

Облака над ним расступились, лунный свет пролился на поля и осветил все вокруг. Откуда-то неподалеку доносились звуки — еще один убийца. У Дуань Лина не осталось времени на раздумья. Он направил стрелу на звук и ждал, когда тот нанесет удар.

Как он и ожидал, из травы вылетел силуэт, выхватил в воздухе саблю и с размаху обрушил ее на голову Дуань Лина. Тот решительно выпустил стрелу и быстро сделал шаг вперед, чтобы принять удар спиной.

Стрела попала убийце в горло. Он начал биться в судорогах и упал на Дуань Лина, а удар саблей уже утратил всю силу.

И тут позади Дуань Лина в его сторону помчался боевой конь, резким рывком врезаясь в

другого убийцу, который тоже готовился нанести удар саблей по его шее сзади!

Дуань Лин повернул голову и увидел человека, скатывающегося с боевого коня. Он выхватил меч, и серебристый лунный свет отразился на его лезвии — Лан Цзюнься.

— Уходи, — сказал Лан Цзюнься.

— Господин Улохоу Му? — произнес убийца.

— Я сказал, уходи! — неожиданно во весь голос прокричал разъяренный Лан Цзюнься.

— Уходим! — Чжэн Янь подъехал верхом, схватил Дуань Лина и затащил его на свою лошадь.

Дуань Лин, оглушенный и дезориентированный, взбираясь на коня, оглянулся. В лунном свете стебли сорго покрывали поля, и повсюду виднелись следы убийц.

— Нет... Подожди! — судорожно произнес Дуань Лин. — Он умрет!

— Не время о нем беспокоиться! — крикнул Чжэн Янь.

Порыв ветра пронесся мимо. Дуань Лин обернулся, и в его глазах отражалась картина соргового поля.

Ветер был настолько силен, что сравнивал стебли с землей, а Лан Цзюнься стоял посреди поля в одиночестве, обхватив руками рукоять Цинфэнцзяня, и отбивался от убийц, бросающихся на него со всех сторон.

Время словно замедлилось. С самого первого дня их знакомства Дуань Лин, казалось, так и не смог узнать его по-настоящему. Впечатление о Лан Цзюнься было всегда видом его спины, когда он вот-вот был готов оставить Дуань Лина позади.

Его спина у входа в Прославленный зал, когда он только что повернулся, чтобы уйти; его спина среди снежной бури, когда он с трудом поднялся на ноги, чтобы противостоять убийце; его спина, когда он сел на лошадь, чтобы уехать, в день возвращения отца Дуань Лина...

Он и сейчас стоял спиной к уходящему Дуань Лину, ни разу не обернувшись.

Все, что удавалось разглядеть Дуань Лину, — это всегда его спина, и самое глубокое впечатление о нем, сохранившееся в памяти Дуань Лина, тоже было не более чем его силуэтом.

Дуань Лин медленно закрыл глаза и достал из колчана стрелу, выпуская одну стрелу за другой, пока колчан не опустел.

Чжэн Янь одной рукой управлял лошадей, а другой потянулся назад, чтобы заставить Дуань Лина пригнуться. Все больше и больше монгольских воинов сошли с дороги и, словно бушующий поток, залили поля. Чжэн Янь выхватил меч; лунный свет мерцал на его лезвии, а брызги крови застилали глаза Дуань Лина.

Облака сгущались, заслоняя лунный свет, и образ Лан Цзюнься, сражающегося с убийцами, сменился тьмой.

Затем под покровом ночи один за другим зажглись факелы, и пламя охватило поля.

— У Ду! — прокричал Дуань Лин.

У Ду закончил разжигать костер. Ветер проносился над полями, и языки пламени огромными пятнами ложились на траву, образуя густой дым. Он сел на Бэнь Сяо и подъехал к лошади Чжэн Яня. Тот подтолкнул Дуань Лина к коню, У Ду на скаку схватил его, и они ушли от монгольской орды, а затем встретились с киданьскими воинами, которые пересекли торговые поля и прорвали монгольскую осаду.

<http://bllate.org/book/15657/1400668>